

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

К ИСТОРИИ ТЕКСТА СЛАВЯНСКОЙ КНИГИ ЕНОХА

*(Следы памятников Кумрана в византийской
и старославянской литературе)*

Ветхозаветные апокрифы уже давно привлекали к себе внимание ученых. В этих произведениях, созданных в эпоху около начала нашей эры, справедливо усматривали отражение идеологии, свойственной поздне-иудейским сектантским кругам, близким по времени и мировоззрению к складывавшемуся в то время христианству.

Особый интерес к литературе этого вида был вызван в последнее время, после открытия памятников иудейского сектантства в Хирбет-Кумране, около Мертвого моря. Изучение рукописей Кумрана показало, что многие ветхозаветные апокрифы, до этого известные только по относительно поздним переводам на греческий, латинский, сирийский, эфиопский, армянский и старославянский языки, представлены в достаточно многочисленных отрывках на еврейском и арамейском языках среди обнаруживаемых документов древней ессеической общины¹.

Открытие первоначальных древнееврейских или арамейских оригиналов этих апокрифических произведений имело большое значение и в том отношении, что многие их места, содержавшие мессианистические высказывания, до недавнего времени рассматривались учеными как позднейшие интерполяции христианской эпохи. Однако фрагменты именно этих мест апокрифов оказались обнаруженными и в рукописях, найденных в пещерах Кумрана. Таким образом, отпадает необходимость видеть в этих мессианистических пророчествах христианские добавления. Их принадлежность к оригиналам не может сейчас вызывать сомнения².

К числу ветхозаветных апокрифов, сохранившихся и в старославянских переводах, относят «Завещания 12 патриархов», «Откровение Авраама», «Житие и исход Моисея», «Вознесение Исаяи» и ряд других. Видное место в этом перечне занимает и славянская книга Еноха, которой мы и посвящаем настоящее исследование.

Так называемая книга Еноха представляет собою одно из наиболее сложных и интересных апокрифических произведений ветхозаветного цикла. Этот апокриф составляет целый круг легенд, объединяемых общим именем главного действующего лица, известного из книги «Бытия» праотца Еноха, за свою благочестивую жизнь взятого на небо живым. В этой

---

¹ См. И. Д. А м у с и н. Рукописи Мертвого моря. М., 1961, стр. 24—32 и 111—117.

² J. M. A l l e g r o. Further Messianic References in Qumran Literature. «Journal of Biblical Literature», 1956, 75, part III, p. 174—187.

ветхозаветной апокрифической книге справедливо находят первоначальное зерно распространенного в мировой литературе сюжета о странствии героя по кругам загробного мира, сюжета, воплощенного в средневековую эпоху в гениальной «Божественной комедии» Данте. В этом же апокрифе видят исток другого «мирового» сюжета: восстания ангелов, которое впоследствии было изображено в поэме Мильтона «Потерянный рай».

Книга Еноха дошла до наших дней на различных языках. Обычно различают три основные извода этого произведения: так называемый Енох 1, представленный эфиопской версией (на языке геез), а также в довольно многочисленных греческих фрагментах, найденных и изданных в разное время; под Енохом 2 понимают рассматриваемую в настоящей статье славянскую версию; наконец под Енохом 3 известна поздняя еврейская трактовка того же сюжета, отразившая в немалом числе цитат, сохраненных в Талмуде и Мидрашах, а также изданная в виде отдельной книги по рукописи 1511 г. Гуго Одебергом³. Что касается недавно обнаруженных в Кумранских пещерах фрагментов, то они настолько разрознены, что пока еще не удастся точно отождествить их содержание с той или иной версией книги Еноха. Однако некоторые данные позволяют утверждать, что эти отрывки иногда отступают от текста признаваемой наиболее древней эфиопской версии апокрифа⁴.

Кроме того, переработкой апокрифической книги Еноха признается обычно и так называемая «Книга гигантов», от которой дошли до нас фрагменты на согдийском, среднеперсидском и парфянском языках. Эти отрывки восходят к древнему манихейскому своду III—IV вв. н. э.⁵

Славянская книга Еноха праведного занимает видное место среди этого цикла апокрифической письменности. Этот извод всегда привлекал к себе пристальное внимание исследователей как специалистов по славянской филологии, так и библистов⁶.

Текстологическое изучение славянской книги Еноха в свою очередь устанавливает в составе достаточно многочисленных списков две основные редакции этого произведения: пространную и краткую. Пространная редакция представлена тремя рукописями — болгарского, болгарско-румынского и южнорусского происхождения, относящимися к XVI—XVII вв. Краткая редакция читается главным образом в русских списках XIV—XVII вв.; сербские копии этой редакции, как показало их пристальное исследование М. Н. Сперанским, восходят к более ранним русским протографам⁷.

В настоящей статье автор ставит себе задачу остановиться на некоторых вопросах, связанных с историей текста славянской книги Еноха. Это, во-первых, вопрос о взаимоотношении между пространной и краткой редакциями: какая из двух названных редакций должна быть признана первоначальной и какая позднейшей? Во-вторых, это вопрос о месте первоначального появления «Славянского Еноха»: у южных славян или в Древ-

³ O. E i s s f e l d t. Einleitung in das Alte Testament. 2-e Aufl. Tübingen, 1956, S. 765—769.

⁴ «Revue biblique», t. 65, № 1. Paris, 1958, p. 70—78.

⁵ В. Б. Н и к и т и н а, Е. В. П а е в с к а я, Л. Д. П о з д н е е в а, Д. Г. Р е д е р. Литература древнего Востока. М., 1962, стр. 158.

⁶ М. И. С о к о л о в. Славянская книга Еноха праведного. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. ЧОИДР, 1899, вып. 4, стр. 1—112 (далее — М. И. С о к о л о в, 1899) и ЧОИДР, 1910, вып. 4, стр. 111—182 и 1—167 (далее — М. И. С о к о л о в, 1910).

⁷ М. Н. С п е р а н с к и й. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, стр. 93—94.

ней Руси возникла его древнейшая редакция? В-третьих, это вопрос об оригинале славянского перевода: с какого именно языка могла быть переведена первоначальная редакция славянской книги Еноха?

* * *

Пространная редакция славянской книги Еноха представлена, как сказано выше, тремя списками. Первый из них, открытый и изданный М. И. Соколовым, — это список бывшей Белградской национальной библиотеки № 321, относившийся к XVI в. Как показывает исследование М. И. Соколова, эта рукопись является поздним молдавским списком с сербского или с болгаро-сербского оригинала, за которым, в свою очередь, можно видеть среднеболгарскую редакцию более древнего текста⁸. В настоящее время список не существует, так как он сгорел вместе со всеми собраниями Белградской национальной библиотеки в 1941 г. Вторая рукопись пространной редакции сохранилась в сборнике XVI в. среднеболгарской редакции, переписывавшейся в Молдавии. Это рукопись бывшей коллекции А. И. Яцимирского, ныне хранящаяся в Библиотеке Академии наук СССР (БАН № 13.3.25). Список изучен и описан М. И. Соколовым⁹, но до сих пор не издан полностью. Текст книги Еноха в этом списке не закончен и прерывается в начале XXIII гл. Третий список принадлежал к бывшей коллекции Хлудова, был изучен и издан А. Н. Поповым в 1880 г.¹⁰ Этот список был переписан в Полтаве в 1679 г., он представляет собою очень дурную и полную ошибок копию более древней молдавско-болгарской рукописи, текст которой наиболее близок к предшествующей.

В настоящее время рукопись хранится в Государственном Историческом музее в Москве¹¹.

Краткая редакция «Славянского Еноха» представлена шестью относительно полными списками. Первый из них остается еще не изданным. Это список так называемого «Академического хронографа» XV в. (БАН № 45.13.4)¹². В этой рукописи текст книги Еноха занимает листы с 357 по 366 об. В нашей работе мы пользуемся текстом апокрифа по данному списку. Второй список, наиболее близкий по содержанию и по языку к вышеназванному, — это список бывшей коллекции Уварова № 3 (18), тоже XV в., ныне хранящийся в ГИМ. Этот список был издан и изучен М. И. Соколовым¹³ и положен в основу издания текста книги Еноха А. Вайаном¹⁴. Третий список — это список бывшего собрания Е. В. Барсова, XVII в., ныне находящийся в ГИМ. Эта рукопись издана и изучена М. И. Соколовым, в книге А. Вайана по ней подведены варианты. Четвертая рукопись находилась в Белградской национальной библиотеке (№ 151/443) — сербской редакции, но с явными следами русского оригинала, с которого она была скопирована. Список был издан Ст. Нова-

⁸ М. И. Соколов, 1899, стр. 1—80; М. И. Соколов, 1910, стр. 10—32.

⁹ М. И. Соколов, 1910, стр. 44—53.

¹⁰ А. Н. Попов. Библиографические материалы, ч. II—VII. ЧОИДР, 1880, вып. 3, стр. 66—139; М. И. Соколов, 1910, стр. 32—33.

¹¹ Собрание б. Хлудова № 321.

¹² См. В. И. Срезневский. Отчет отделению русского языка и словесности имп. акад. наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии. ИОРЯС. т. VIII. СПб., 1903, стр. 122—123.

¹³ М. И. Соколов, 1899, стр. 1—80 (в вариантах текста); М. И. Соколов, 1910, стр. 111—130, а также стр. 32—34. Далее этот список обозначен: У.

¹⁴ Le livre des secrets d'Hénoch. Texte slave et traduction française par André Vaillant. Paris, 1952 (далее — А. В а и л л а н т).

ковичем в 1884 г.¹⁵ и описан М. И. Соколовым¹⁶. Пятый список, также содержащий сербскую копию XVII в. с русского оригинала, хранится в Венской национальной библиотеке. Текст этого списка изучен и описан М. И. Соколовым и М. Н. Сперанским¹⁷. Наконец, следует назвать еще второй список из коллекции Барсова, датируемый 1701 г., изданный и описанный М. И. Соколовым и также хранящийся ныне в ГИМ¹⁸.

Кроме этого, сохранилось еще несколько выдержек из текста краткой редакции славянской книги Еноха в древнерусских памятниках. Из них наиболее древняя и наиболее обширная читается в «Мериле праведном», известном юридическом памятнике, созданном не позднее конца XIII в. и представленном в пяти списках, из которых самый старший, Троице-Сергиевский № 15, восходит к XIV в.¹⁹

М. И. Соколов, а вслед за ним болгарский ученый Йордан Иванов²⁰ и М. Н. Сперанский считали первоначальной пространную редакцию «Славянского Еноха». Это мнение разделялось также первыми переводчиками славянской книги Еноха на западноевропейские языки В. Р. Морфиллем²¹ и Н. Бонветчем²², которые опирались на работы М. И. Соколова.

Сторонники этого мнения полагали, что пространная редакция, восходящая к греческому оригиналу, могла быть переведена в Болгарии в X—XI вв., при этом она отразила в себе богомилские воззрения. Краткая редакция признавалась возникшей позднее и, поскольку она сохранена только в русских списках или в копиях с русских протографов, как Белградская и Венская рукописи, то, с известной долей вероятности, местом происхождения второй редакции признавалась Киевская Русь. М. Н. Соколов видел в тексте краткой редакции лишь механическое сокращение полной редакции «Славянского Еноха»²³. Зарубежные библиисты, основывавшиеся в своих трудах на переводах Морфилла и Бонветча и на книге М. И. Соколова, тоже в большинстве своем разделяли выше названные взгляды.

В книге А. Вайана, опубликованной в 1952 г., было дано тщательно подготовленное критическое издание текста обеих редакций славянской книги Еноха. Однако автор этой книги тоже не имел непосредственного доступа к рукописным материалам и лишь обрабатывал данные, содержащиеся в трудах М. И. Соколова.

А. Вайан доказывал первоначальность краткой редакции и называл пространную редакцию позднейшей ревизией текста «Славянского Еноха», осуществленной в Болгарии не ранее XIV в. При этом он все же считал возможным предположить, что краткая редакция могла быть переведена с греческого оригинала в Болгарии не позднее X в.²⁴

М. И. Соколов, помимо пространной и краткой редакций, предполагал еще наличие так называемой промежуточной, к которой он относил Уваровский список. А. Вайан признал этот взгляд основанным на недо-

¹⁵ St. Novaković. «Starine», t. XVI. Zagreb, 1884, S. 67—81.

¹⁶ М. И. Соколов, 1910, стр. 72—74.

¹⁷ М. Н. Сперанский. Указ. соч., стр. 87—94.

¹⁸ М. И. Соколов, 1910, стр. 133—142 и 69—72.

¹⁹ Рукопись Троице-Сергиевская № 15, хранящаяся ныне в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве, фототипически издана М. Н. Тихомировым («Мерило праведное». Изд. АН СССР. М., 1961). Текст выписан из книги Еноха и занимает в этом списке листы 36—38 об.

²⁰ И. Иванов. Богомилски книги и легенди. София, 1925, стр. 165—191.

²¹ W. R. Morfill. The Book of Secrets of Enoch. Oxford, 1896.

²² N. Bonwetsch. Das slavische Henochbuch. Berlin, 1896; idem. Die Bücher der Geheimnisse Henochs. Leipzig, 1922.

²³ М. И. Соколов, 1910, стр. 33—34.

²⁴ A. Vaillant, p. IV et XIII—XXVI.

разумении, так как, по его наблюдениям, текст списка У ничем не отличается от краткой редакции, кроме заглавия.

В нашей работе над текстом «Славянского Еноха» мы опираемся на списки, еще вовсе не привлекавшиеся к исследованию, как список БАН № 45.13.4, оставшийся не известным М. И. Соколову, и на список БАН № 13.3.25, хотя и названный в трудах этого ученого, но использованный им лишь частично, по выпискам, предоставленным в его распоряжение А. И. Яцимирским.

Привлечение названных неизданных материалов позволяет, во-первых, уточнить вопрос о существовании так называемой промежуточной редакции «Славянского Еноха». Как уже сказано, список БАН № 45.13.4 наиболее близок к Уваровскому и по содержанию, и по языку. Их сопоставление не оставляет сомнений в том, что их текст представляет собою именно краткую редакцию книги. Таким образом, в этом предположении А. Вайан оказался прав. С полным правом мы будем говорить поэтому лишь о двух редакциях «Славянского Еноха».

Необходимо признать правоту этого французского исследователя и в решении им другого основного вопроса. Действительно, сравнение текста краткой редакции славянской книги Еноха, в том числе и по вновь привлекаемой нами рукописи, с текстом пространной редакции убеждает нас в бесспорном приоритете именно краткой редакции. Это явствует прежде всего из самого содержания книги. В краткой редакции мы находим упоминание о древнем иудейском солнечном календаре, насчитывавшем 364 дня. Этот календарь, до недавнего времени известный только по апокрифу «Книга Юбилеев» и не привлекавший внимания ученых, обнаружился в памятниках Кумрана и вызвал сейчас весьма обширную научную литературу²⁵. По-видимому, этого древнего солнечного календаря, сложившегося в жреческой среде, придерживались кумранские сектанты в отличие от остальных иудеев, которые во главе с представителями официального иерусалимского культа перешли около I в. до н. э. на лунный календарь, заимствованный из Вавилонии. Наличие такого древнего календаря в тексте краткой редакции не может быть случайным. Наоборот, в пространной редакции этот календарь исправлен в соответствии с общераспространенным в средневековой Европе юлианским календарем с его 365 днями. Более того, в календарь пространной редакции введены даже такие подробности византийской пасхалии, как «круг солнца», «эпакта» и др.²⁶ В тексте пространной редакции мы встречаемся не только с названиями вавилонских лунных месяцев, как Нисан, Тебет, Таммуз, но и с египетскими их названиями: Фаменоф и Фармуфи. В пространной редакции говорится о знаках Зодиака, приводятся античные греческие названия планет: Кронос (Сатурн), Афродита (Венера), Дий (Зевс-Юпитер). Всему этому нет места в тексте краткой редакции.

В этой же пространной редакции цитируются тексты различных библейских книг, знание которых естественно кажется несовместимым с предполагаемой хронологией жизни Еноха. В качестве других курьезов хронологии Вайан указывал на подсчет числа лет и дней, прожитых самим Енохом, на специально добавленные рассказы о его рождении и смерти, о построении Ноем ковчега и о потопе. Обо всем этом также не содержится ни малейшего намека в краткой редакции.

Пространная редакция изобилует реминисценциями из многих апокрифических произведений, обычно поздних по происхождению. Так, в ней

²⁵ A. J a u b e r t. La date de la Cène. Calendrier biblique et liturgie chrétienne. Paris, 1957.

²⁶ A. V a i l l a n t, p. XV—XVII.

мы читаем легенду о Сатанаиле, упоминаются семь составных элементов, из которых создан Адам. Особенно показательно наличие в тексте пространной редакции толкования имени Адама по названиям четырех сторон света, первые буквы которых на греческом языке составляют своеобразный акrostих. Находим в этой редакции также учение о седьмой тысяче лет, сказание о могиле Адама и о погребении Авеля, а также другие легенды, не оставляющие сомнения о позднем происхождении всей компиляции.

Все подобные упоминания могли проникнуть в пространную редакцию славянской книги Еноха из хорошо известных в славянской переводной письменности средних веков источников, как «Сказания об Адаме и Еве», «Беседа трех святителей» и др.

Одним из доказательств того, что пространная редакция «Славянского Еноха» была уже известна в Киевской Руси в XII в., М. И. Соколов считал наличие в одной из проповедей Кирилла Туровского ряда выражений, очень близко стоящих к фразеологии именно этого текста: «И паки промысли богъ создати вторую тварь в малѣ велику, еже есть челоувѣка създати, втораго ангела на земли, поклонника богу»²⁷. В самом деле, в приведенном отрывке совпадают с пространным текстом «Славянского Еноха» такие сочетания слов, как «помысли създати», «(вторую) тварь в малѣ велику» и «челоувѣка създати, втораго ангела на земли». Возражая против мнения Соколова, А. Вайан, совершенно правильно, на наш взгляд, заметил, что, «во-первых, проповедь, откуда взят данный пример, является более поздней, чем XII в., и ложно приписываемой Кириллу Туровскому. Самое же главное, что оба памятника — и пространная редакция славянской книги Еноха, и Псевдо-Кирилл — заимствовали выделенные словосочетания из одного общего источника, из тридцать восьмого «Слова» Григория Назианзина, хорошо известного в Киевской Руси по древнему переводу, сделанному не позже XI в.»²⁸

Материалом, на основании которого удается установить крайнюю раннюю дату появления пространной редакции на славянской литературной почве, А. Вайан справедливо признает греческие и славянские тексты известного позднего полемического сочинения против латинян «Прения Панагиота с Азимитом». Названный памятник возник в Византии после неудачной унии с Римом, заключенной императором Михаилом Палеологом в 1284 г.; это острая сатира на католиков-латинян и на их сторонников в Константинополе, униатов. Вскоре, уже в XIV в., появляется и славянский перевод этого произведения в его сербской редакции. Русские тексты «Прения» обильно представлены в списках XV—XVI вв.²⁹

Можно считать несомненным, что из этого поздневизантийского антикатолического сочинения в пространную редакцию «Славянского Еноха» были внесены такие места, как описание рая, насажденного посреди него дерева жизни и рек, протекающих в Эдеме. Оттуда же попали в текст книги Еноха и упоминание о Фениксе и Халкендри, двух чудесных птицах, сопровождающих солнечную колесницу, вообще о птицах, воспевающих хвалебные песни приближающемуся дню. М. И. Соколов, приведя все указанные места в своей работе, считал их, наоборот, доказательством того, что автор «Прения» был знаком с текстом пространной редакции славянской книги Еноха. Однако зарубежные библеисты, вос-

²⁷ М. И. Соколов, 1910, стр. 121.

²⁸ A. Vaillant, p. XVII.

²⁹ А. Н. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян — XI—XV вв. М., 1875, стр. 238—286.

принявшие текст славянской книги Еноха только через труды М. И. Соколова, принимая его концепцию относительно взаимной зависимости пространной и краткой редакций, испытывали немало затруднений, поскольку были принуждены все дополнения подобного рода относить к раннехристианской эпохе, так как апокриф в целом обычно датировали этим временем. Краткая же редакция, наоборот, совершенно свободна от всех этих дополнений и потому, несомненно, представляет собою более ранний этап в развитии текста книги Еноха.

Помимо данных, относящихся к содержанию книги Еноха и приведенных у Вайана, укажем еще на ряд наблюдений над языком и стилем обеих редакций «Славянского Еноха».

Прежде всего нужно заметить, что текст краткой редакции, без сомнения, должен быть признан аутентичным по отношению к пространной редакции, так как он отличается большей лаконичностью и ясной строгостью стиля. Краткая редакция лишена ненужных распространений, столь обычных для пространной редакции, и поэтому выражает мысли определеннее, конкретнее и прямее. Кроме того, в тексте краткой редакции встречаются редкие древние слова, смысл которых оказывался непонятным для позднейших редакторов и переписчиков книги, и они поэтому опускали их или заменяли другими, более новыми словами. Покажем это на примерах:

Текст	Текст
краткой редакции	пространной редакции
Морю же повелѣ породити своя рыбы и всакъ гадъ плазаци по земли (лист 360 в) ³⁰ .	И въ днь пати повелѣх море и породи рыбы и птице много- различныя, и всѣкъ гадъ лазещь и ходящъ по земли четвероногъ и парящъ по воздухоу ³¹ .

Текст краткой редакции в данном месте, несомненно, превосходит своего соперника по выразительности и энергичности. Пространная же редакция, напротив, поражает вялостью и рыхлостью изложения. Для краткой редакции характерно слово «плазаци», т. е. ползающие по земле гады. Это слово, по всей видимости, принадлежит к своеобразным искусственным старославянизмам, которые в XI—XII вв. нередко создавались древнерусскими книжниками для замены казавшихся им недостаточно торжественными и не отвечавших требованиям церковного стиля восточнославянских слов с полногласными сочетаниями. В данном случае глагол «плазати», отсутствующий в старославянских памятниках, очевидно, искусственно образован по аналогии с древнерусским глаголом «полозити». Для южнославянского же редактора, который обрабатывал текст пространной редакции в XIV в., это слово оказалось непонятным, и он заменил его созвучным, но явно не подходящим по смыслу «лазити».

Второй пример может быть признан не менее показательным со стороны стиля обеих редакций:

Текст	Текст
краткой редакции	пространной редакции
И написахъ тутенъ громныи и дивъ молниинныи, и указаша ми ключехранителя ихъ (л. 361 с).	И написахъ тоутенъ громныи и мльнии, и оуказаша ми ключа и хранителя ихъ ³² .

³⁰ Текст краткой редакции дается нами по рукописи БАН № 45.13.4.

³¹ Текст пространной редакции приводится по изданию: М. И. Соколов, 1910, стр. 29.

³² М. И. Соколов, 1910, стр. 32.

В этом случае характерным нужно признать то, что южнославянский редактор вовсе опустил наиболее выразительное и редкое слово «дивъ», хорошо засвидетельствованное древнейшими русскими памятниками, в том числе и «Словом о полку Игореве». Точное значение существительного «дивъ» еще не может быть с достаточной достоверностью установлено, однако явно, что для редактора XIV в. в Болгарии оно было непонятно, иначе он вряд ли бы мог его выпустить с ущербом для смысла. Обращает на себя внимание также замена в пространной редакции сложного существительного «ключехранителя», вполне соответствующего смыслу контекста, ничего не выражающим сочетанием «ключа и хранителя». Это тоже, без сомнения, показатели непонимания текста поздним редактором.

Таким образом, мы можем полностью поддержать предположение, высказанное А. Вайаном. Краткая редакция, бесспорно, должна быть признана более древней и первоначальной, чем пространная редакция славянской книги Еноха. Считать краткую редакцию лишь механическим сокращением пространной, как полагал М. И. Соколов, тоже абсолютно невозможно. Это, несомненно, самостоятельное и яркое по стилю произведение.

* * *

Где же могла возникнуть краткая, первоначальная редакция славянской книги Еноха?

Как мы показали выше, все списки краткой редакции, восходящие к XV—XVII вв., являются или русскими по происхождению, или переписанными с первоначальных русских оригиналов, как Белградский и Венский. Наиболее древним свидетельством о существовании краткой редакции «Славянского Еноха» на русской почве является список «Мерила праведного», датируемый XIV в. Естественно, что в языке всех рукописей краткой редакции наблюдается большое количество русизмов. Остановимся на отдельных примерах, как нам кажется, восходящих к первооригиналу краткой редакции.

В главе VI при описании «Четвертого неба» читаем: «И несоста ма мужа ко востоку небесѣ и показаста ми врата, ими же выходитъ солнце»³³. Здесь в качестве характерного элемента восточнославянской лексики следует признать глагол с приставкой «вы-», соответствующий аналогичному глаголу с приставкой «ис» в других местах текста. Вайан считал необходимым исправить в данном месте этот глагол согласно списку Б2 (XVII в.) на чтение «въсходить». Однако эта конъектура не может быть признана нами достаточно обоснованной. В параллельном месте, где идет речь о вратах луны, употреблен глагол «исходить»³⁴.

Далее, на л. 360в, мы читаем: «Дах (посрѣдѣ) земля и море предѣл вѣченъ, не перетергнетса от вод». В этом случае мы находим также глагол с восточнославянской приставкой «пере-», читающийся по всем без исключения спискам. Следовательно, нет оснований предполагать, что он не имелся уже в протографе краткой редакции. Еще далее, на л. 362в, находим: «Егда требуетъ гдѣ хлѣба или свѣща или борова или говада, но тѣмъ искушаетъ гдѣ сѣрдце чловѣку». И в данном месте характерная восточнославянская форма существительного «борова» с полногласным сочетанием тоже засвидетельствована всеми списками, хотя несколько ниже, на л. 365а, тоже во всех списках читается параллельная форма с неполногласным сочетанием — «бравы». Еще большее количество вос-

³³ Рукопись БАН № 45.13.4, л. 358в.

³⁴ Там же, л. 359а.

точнославянизмов находим в списках «Мерила праведного». Так, если в списке БАН № 45.13.4 читаем: «И видѣхъ ключныя стража адовы стоаща у превеликихъ вратъ» (л. 361д), то в списке Троице-Сергиевском № 15 это же место передано следующим образом: «И видѣхъ сторожа адовныя, стояща у превеликихъ воротъ (л. 38). Отметим, что в книге А. Вайана разночтения «Мерила праведного» в данном месте не приводятся.

Таким образом, как рукописная традиция текста краткой редакции, так и языковые черты большинства ее списков делают наиболее вероятным предположение, что краткую редакцию славянской книги Еноха нужно признать памятником русского извода старославянского языка, относящимся к древнейшему его периоду. Тем самым устанавливается и русское, а не южнославянское происхождение перевода этой редакции.

Однако А. Вайан все же, вопреки непосредственной очевидности, считает возможным предполагать за русскими списками какой-то южнославянский протограф еще более древнего времени. Возникновение этого восстанавливаемого им протографа А. Вайан склонен был относить к X в. и приурочивал к Западной Болгарии. Основанием такого предположения для французского исследователя служили отдельные слова и грамматические формы, обнаруженные им в краткой редакции «Славянского Еноха». Большинство этих слов, считаемых А. Вайаном исконными и восходящими к архетипу, написанному первоначально на старославянском языке болгарского извода, не сохранились в тексте неприкосновенными. Эти слова были искажены или заменены другими, новейшими, в результате работы позднейших, русских, правщиков и переписчиков рукописей. Поэтому Вайан вносит в таких случаях свои достаточно смелые конъектуры, часто не вытекающие непосредственно из чтений, находимых в списках. При помощи подобных конъектур А. Вайан в большинстве случаев и обосновывает свои выводы.

К словам этого рода А. Вайан относит, например, следующие: «елеи», «иереи», «о шуюю», «иждеконьнъ», «притранъ», «сѣгрѣзитисѧ», «тимѣние». К числу искаженных переписчиками и восстанавливаемых им путем конъектуры он причисляет такие слова, как «етерьъ», «вънрадити», «оуядрити», а также частицу «оша». По мнению А. Вайана, эти слова показательны именно для предположительно восстанавливаемого им болгарского архетипа, лежавшего в основе русских списков апокрифа. Эти слова, как думает французский исследователь, не вошли якобы в русский извод старославянского языка.

Свидетельством о болгарском происхождении архетипа краткой редакции А. Вайан признавал также несколько грамматических форм, встреченных им в тексте русских ее списков. Сюда он относил, например, форму двойственного числа третьего лица с флексией «-сте»: «показасте», «указасте», «сѣтвористе», «омысте», когда речь идет о двух ангелах, сопровождавших Еноха в его странствованиях по небесным кругам. Причастие «погыблющими» и личная форма этого же глагола «гыблю» с эпендетическим «л» тоже признаются А. Вайаном за древние болгаризмы. К этой же группе языковых отличий отнесены им отмеченные еще М. И. Соколовым формы несигматического аориста: «отѣтрѣгу», «прегрѣгу», «сѣдъ», «обрѣтъ», а также восстанавливаемые в конъектурах словоформы «придъ», «сънидъ» и некоторые другие. Признаком, указывающим более точно именно на западноболгарское происхождение памятника, А. Вайан считал такие слова и грамматические формы, как «оуядрити» и «етерьъ», как прилагательное «шоуии», вместо «левый», а также оборот «камо граду», вместо «камо иду». О таком же западноболгарском оригинале, по предположению А. Вайана, свидетельствует и употребление заимствованного из греческого языка слова «порода», вместо существительного «рай».

Не говоря уже о шаткости доводов, построенных на конъектурах, не читающихся ни в одном из дошедших до нас списков «Славянского Еноха», доказательства А. Вайана во многих случаях не могут быть признаны достаточно убедительными потому, что громадное большинство приведенных в его списке слов весьма нередко встречается в письменных памятниках русского извода старославянского языка. Более того, они не один раз зарегистрированы и в произведениях, принадлежащих перу русских авторов.

Постараемся в дальнейшем изложении представить примеры, доказывающие возможность использования подобных слов, кажущихся А. Вайану несомненными болгаризмами, в памятниках славяно-русского письменного языка древнейшей эпохи.

Широкое распространение в старославянском языке русского извода таких слов, как «елей», «иереи», «ошуюю», а также местоимения «етерь», общеизвестно и в особых доказательствах не нуждается.

Обратимся к прилагательному «иждеконьнъ» (древний, исконный). В списке БАН № 45.13.4 на л. 362д мы читаем: «Блаженъ хранѧ основаніа от [ь]дѣ идѣжконечныхъ, проклятѣ (иже) расскажае оуставы и предѣлы от [ь]дѣ своихъ». В списке У на месте прилагательного «идѣжконечныхъ» находим сочетание «идеже конечныхъ». В Барсовском списке читается «иждеконныхъ». Наиболее близкое к первооригиналу чтение, по-видимому, обнаруживается в списке «Мерила праведного»: «ижеконьныхъ». Данное прилагательное образовано от наречия «иждекона» — «иждекони» («изъ-кона»), значившего «искони». Согласно «Материалам для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского такое наречие имеется в «Псалтыри толковой» XII в. (Пс. CV, 16) и в «Слове об антихристе» Ипполита Римского XII в.³⁵ Оба памятника с несомненностью принадлежат к русскому изводу старославянского языка. Правда, прилагательное, образованное от данного наречия, кроме приведенного места из «Мерила праведного», отмечено у Срезневского только в таких памятниках, как «Богословие» в переводе Иоанна Экзарха и в «Слове о письменех» черноризца Храбра, что указывает на его распространение в древнеболгарском изводе старославянского языка. Однако наличие этого слова в «Мериле праведном» в своей наиболее точной в этимологическом отношении разновидности не оставляет сомнения в возможности его употребления и в древнерусском языке.

Не менее показательно и прилагательное «притранъ». В тексте книги Еноха оно восстанавливается лишь по конъектуре А. Вайана. В списке БАН № 45.13.4 на л. 359с читаем: «Видѣхъ г [оспо]да, лице его силно и преславно и страшно». Такое же чтение находим и в списке У. В Барсовском списке вместо «преславно» — «пристрашно». А. Вайан считает, что на месте двух последних прилагательных нужно с несомненностью читать: «притрано». Между тем чтение это, конечно, не отличается такой несомненностью. Однако если даже и принимать конъектуру Вайана, то и тогда необходимо еще доказать невозможность употребления этого прилагательного в славяно-русских памятниках. По данным «Материалов» И. И. Срезневского, это слово зарегистрировано в «Житии Андрея Юродивого», в Ипатьевской летописи под 1252 г., в «Изборнике Святославовом» 1073 г., в «Словах» Кирилла Иерусалимского XII в., в «Житии Власия» и в других памятниках русского извода³⁶. Наиболее же характерно употребление этого прилагательного в «Повести временных лет» под 1093 г.:

³⁵ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 1026 и 1029.

³⁶ И. И. Срезневский. Материалы..., т. II. СПб., 1895, стр. 1479—1480.

«И се притранѣ и страшнѣ, яко на хретстьянствѣ родѣ страхъ, и колѣбанье и бѣда упространися»³⁷. Правда, цитируемое место принадлежит к так называемому «Поучению о казнях божиих» и имеет явно церковнославянскую стилистическую окраску; возможно, что это «Поучение» и восходит к какому-либо южнославянскому источнику, однако самый факт возможного употребления прилагательного «притранъ» русским книжником XI в. остается неопровержимым.

Обратимся к глаголу «сѣгрѣзитисѧ». Это слово встретилось нам в тексте краткой редакции два раза, в первый раз в форме третьего лица единственного числа. В рукописи БАН № 45.13.4 на л. 360д мы находим: «И вса земля сѣгрѣшит неправдами и обидами». В списках У и Барсовском первом — «согрѣшит»; в Барсовском втором — «согрѣзит сѧ»; подобные же чтения находятся в параллельных местах пространной редакции. На этом основании А. Вайан считает возможным исправить текст следующим образом: «И вса земля согрѣ[з]ит [сѧ] неправдами и обидами»³⁸. В другой раз мы находим этот же глагол далее на л. 364д.: «И людие на люди сѣгрѣзатсѧ, и языкъ на языкъ възмутитъ рать». Чтение списка У в основном совпадает с приведенными нами. В Барсовском первом — «согрозат сѧ». Вайан принимает чтение нашего списка. Что же касается употребления самого глагола «сѣгрѣзитисѧ» — смешать, блуждать, разрушиться, пасть, обрушиться, напасть, — то в «Материалах» И. И. Срезневского по поводу этого имеются следующие данные: «Палея» XIV в., книга Осии, гл. IV, 14 по списку XV в., книга Иисуса Навина, гл. V, 6 по списку XVI в., книга Исаяи, гл. III, 8 (по списку попа Упира XI—XV вв.) и др.³⁹ То есть это слово тоже не редкость в памятниках церковнославянского языка русской редакции.

Рассмотрим употребление существительного «тимѣние» — тина, грязь. Это слово находим в тексте краткой редакции по нашей рукописи на л. 360д: «И земля сама сѣкрушитсѧ в тимѣние велико». В списке У взамен глагола «сѣкрушитсѧ» читается «сотроушитсѧ». Первоначально это ошибочное чтение было и в списке БАН, однако впоследствии писец заметил неправильность и переправил букву «т» на «к». А. Вайан, не зная нашей рукописи, произвел в своем издании подобное же исправление по смыслу. Что же касается слова «тимѣние», то о нем можно привести следующие данные: оно зарегистрировано в «Прологе» XIII в., в «Хронике» Георгия Амартола, в Минее четвей за апрель XIV в. и многих других. Таким образом, опять не приходится сомневаться, что это существительное было известно русскому изводу старославянского языка.

Остановимся на существительном «порода» в значении «рай». В нашем тексте оно находится дважды, при описании «третьего неба»: «И пошта мѧ оттуда моужа. . . и постависта мѧ посред[ѣ] породы» (л. 357д) и далее: «И агг[е]ли хранащи породу свѣтлѣ зѣло» (л. 358а). Это слово, заимствованное из народногреческого языка и восходящее к существительному *παράδα*, в свою очередь образованному от прилагательного *παράδεισος*⁴⁰⁻⁴¹, достаточно часто представлено в памятниках старославянского языка, болгарских по своему происхождению. Но не менее часто слово «порода» может быть обнаружено и в произведениях, написанных заведомо русскими авторами. Так, например, в «Слове Философа» из «Повести временных лет»: «От древа вкушь, испаде породы». Находим его

³⁷ «Повесть временных лет». Изд. АН СССР. М.—Л., 1950, стр. 143.

³⁸ A. Vaillant, p. 35, 3.

³⁹ И. И. Срезневский. Материалы..., т. III. СПб., 1903, стр. 693—694.

⁴⁰⁻⁴¹ См. М. Р. Фасмер. Греко-славянские этюды, ч. III. СОРЯС, т. LXX XVI, № 1. СПб., 1909, стр. 157.

и в «Изборнике Святославовом» 1076 г.: «Разбойникъ на кръстѣ бѣ, нъ породу отъврьзе» (л. 234). Это же слово есть и в «Житии Феодосия», и в его «Словах», и в Путятиной минее, и в «Пандектах» Антиоха, и во множестве памятников славяно-русского языка древней поры⁴². Таким образом, доказательством нерусского происхождения памятника оно служить не может, тем более не является свидетельством обязательно западноболгарского происхождения краткой редакции «Славянского Еноха», как предполагал А. Вайан.

Доказательнее, чем лексические признаки, те грамматические формы, которые приведены у А. Вайана в качестве реликтов первоначального древнеболгарского удлинника, стоящего будто бы за русскими списками. Действительно, форма двойственного числа третьего лица глаголов на «-сте» встречается в таких памятниках, как Мариинское евангелие, Синайская псалтирь, Клоцов сборник, Зографское и Ассеманово евангелие. В таких же, как Савина книга или Супрасльская рукопись, это окончание появляется, только очень редко⁴³. В этих же памятниках и в Остромировом евангелии окончание «-стѣ» может быть только при подлежащих, выраженных существительными женского рода⁴⁴. Что касается славяно-русских памятников, то в них подобная форма пока не отмечалась. Впрочем, они с этой стороны еще почти не изучены.

Что касается форм несигматического аориста, то они тоже обычно признаются характерными для собственно старославянских памятников. А. Вайан в своем «Руководстве» признает их проявлением древнемакедонской традиции; для русских церковнославянских памятников характерны, по его мнению, лишь новые формы аориста⁴⁵. Однако он же отмечает форму 3-го лица множественного числа «обрѣту» в переводе «Хроники» Георгия Амартола, правда, с оговоркой, что такие формы «являются несомненным свидетельством древнемакедонского или, скорее, западного происхождения текста»⁴⁶. Впрочем, поскольку вопрос о происхождении перевода «Хроники» Амартола не решен окончательно, постольку и этот тезис А. Вайана нуждается в более тщательном обосновании.

Что же касается доказательств, приводимых А. Вайаном в пользу того, что списки краткой редакции славянской книги Еноха могут восходить к протографу, написанному первоначально глаголицей, то они покоятся лишь на показаниях поздних рукописей или явно испорченных и нуждающихся в конъектурных поправках мест⁴⁷.

Таким образом, гипотеза А. Вайана о первоначальном западноболгарском происхождении краткой редакции «Славянского Еноха» не может быть признана доказанной. Она нуждается несомненно в более тщательных текстологических изысканиях. Напротив, значительно более обоснованным именно с текстологической стороны нам кажется предположение о том, что в лице краткой редакции славянской книги Еноха мы имеем дело с памятником русского извода старославянского языка и что редакция эта возникла в древней Руси.

* * *

Каков же мог быть архетип славянской книги Еноха в ее краткой редакции? С какого языка это произведение могло быть переведено?

⁴² И. И. Срезневский. *Материалы...*, т. II, стр. 1208—1210.

⁴³ А. Вайан. *Руководство по старославянскому языку*. М., 1953, стр. 249.

⁴⁴ Н. Ван-Вейк. *История старославянского языка*. М., 1957, стр. 302—303.

⁴⁵ А. Вайан. *Указ. соч.*, стр. 255—265.

⁴⁶ Там же, стр. 265.

⁴⁷ А. Vaillant, p. XV.

Обычно признавалось, что «Славянский Енох», без сомнения, должен восходить к недошедшему до нас греческому оригиналу.

Основанием для этого утверждения служило наличие в тексте пространной редакции толкования имени Адама через акrostих, состоящий из греческих названий четырех сторон света: «восток» — ἀνατολή; «запад» — δύσις; «север» — ἄρκτος; «юг» — μεσημβρία⁴⁸. Однако, как уже сказано, данный акrostих содержится только в пространной редакции, краткая же не имеет ни малейшего намека на что-либо подобное. А. Вайан, подчеркивая, что в тексте краткой редакции нет этих бесспорно восходящих к греческому подробностей, тем не менее полагает, что и краткая редакция все же была переведена с греческого языка. Ее архетип он называет «Христианским Енохом», в противоположность «Иудейскому Еноху», как обозначается та версия апокрифа, которая сохранена в эфиопском переводе и называется обычно «Енох 1»⁴⁹.

Доказательством наличия на греческом языке «Христианского Еноха», т. е. архетипа славянской книги, А. Вайаном признается свидетельство того же полемического произведения, созданного в XIII в., которое послужило одним из источников пространной редакции, «Прения Панагиота с Азимитом». Упоминание в этом «Прении» названия птицы Феникс среди ангелов, сопровождающих солнце, а также рассказ о том, как надевают и снимают венец с солнца при его восходе и закате, должно, по мнению А. Вайана, непременно восходить к существовавшему в то время архетипу на греческом языке. Косвенным признаком того, что «Славянский Енох» переведен с этого же гипотетического оригинала, А. Вайан склонен считать предположительно восстанавливаемые им в тексте краткой редакции якобы кальки с греческого, взамен испорченных в рукописях мест.

Остановимся подробнее на ряде вопросов, связанных с историей текста книги Еноха на греческой почве. Во-первых, это вопрос о дошедших до нашего времени отрывках греческой книги Еноха и их соотношении с различными версиями апокрифа. Мы имеем четыре группы греческих памятников, содержащих фрагменты книги Еноха. Прежде всего, это давно известная цитата из этого апокрифа в новозаветном каноническом послании Иуды (стих 14—15). Затем также давно уже попавшее в поле зрения исследователей место из византийской «Хроники» Георгия Синкелла⁵⁰. В 1892 г. стали известны опубликованные фрагменты папирусов, открытых в одной из гробниц Ахмика и хранящихся в Каирском музее⁵¹. Наконец, в 1937 г. Кэмпбелл Боннер издал папирусы из коллекции Честер-Битти, также содержащие греческие отрывки из книги Еноха⁵². Однако все указанные тексты, без сомнения, могут быть определены как части той версии апокрифа, которая носит наименование Енох 1 и полностью представлена в эфиопском переводе.

От этой версии Енох 2, т. е. архетип славянской книги Еноха, отличается весьма существенно и прямых текстуальных соответствий не имеет. «Славянский Енох», особенно если иметь в виду его краткую, первоначальную редакцию, отличается от Еноха 1 своей большей лаконичностью и логической последовательностью. Наиболее четко изложены в этом апокрифе все этапы небесного путешествия Еноха с разграничением их по «семи небесам». Много внимания уделяется в этом апокрифе моральным

⁴⁸ М. И. Соколов, 1910, стр. 30.

⁴⁹ A. Vaillant, p. IX—XI.

⁵⁰ А. Смирнов. Книга Еноха. Казань, 1888, стр. 475—476.

⁵¹ Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologie française du Caire, t. IX, fasc. 1, 1892, p. 93—136.

⁵² The Last Chapters of Enoch in Greek by Campbell Bonner. London, 1837.

поучениям и необходимости соблюдать правду на суде. Наконец, последняя часть апокрифа, не находящая себе соответствия в Енохе 1, это история Мелхиседека, которая по месту в повествовании параллельна с «Книгой Ноя», имеющейся в эфиопской версии. В «Славянском Енохе» вовсе отсутствует раздел «Притчей», лишь коротко и туманными намеками передается в нем сказание о грехопадении ангелов. Нет в «Славянском Енохе» и того места из гл. 6, которое процитировано в «Послании Иуды». Все это делает Еноха 2 в текстологическом отношении совершенно иным произведением по сравнению с Енохом 1 и дает возможность легко опознать его при встрече даже с небольшой по объему выдержкой, находимой в каком-либо ином, позднейшем произведении. Можно ли признать указанные А. Вайаном места в «Прении Панагиота с Азимитом» за прямые цитаты именно из архетипа Еноха 2?

Произведем текстуальное сопоставление. В краткой редакции «Славянского Еноха» находим: «И пострѣди ихъ 7 фуникъ и 7 херувимъ шестокрылець, едино глаголюще к собѣ и поюще к собѣ» (л. 359в).

В греческом «Прении Панагиота с Азимитом» упоминание этой легендарной птицы феникса приводится в следующем контексте: «...καὶ εὐθὺς δύο ὄρνιθα καλοῦμενα γρύψι, τὸν καλεῖται φοίνιξ καὶ τὸ ἕτερον χαλέδρις ὡς ἀπὸ πηχῶν ἑννέα, καὶ βρέχουσι τὸν ἥλιον ἵνα μὴ καύσῃ τὸν κόσμον». (И вот две птицы, называемые грифами, одна называется феникс, а другая халедри, [длиною] около девяти локтей. И они окропляют солнце, чтобы оно не сожгло мир). В славянском переводе по списку 1384 г. сербской редакции этот же текст имеет следующий вид: «И абие двѣ вещи: грипси небеснии и финики и халькендри по 60 лакоть, и поквашають крила свои в океаньской рѣцѣ...»⁵³.

Как видим, сходство между обоими произведениями весьма отдаленное, и усматривать во втором из них след протографа первого, как предлагает А. Вайан, можно лишь с большой натяжкой.

Не больше дает и сопоставление другого из указанных им мест. В «Славянском Енохе» читаем: «Възведоста ма мужа на запад небесѣ и показаста ми тоу врата шестера велика отврѣста по обходу небесных восточных противу, ими же заходит солнце по входу восточных врат и по числу дньному. Тако заходит западными враты. И егда изыдет от западных вратѣ, и возмут и четыре аггели вѣнецъ его, и възнесоуть я ко господеву, а солнце обратит колесницу свою и иде без свита» (л. 358с).

Аналогичный рассказ в греческом тексте «Прения» читается так: «ὅταν βασιλεύῃ ὁ ἦμος ἐκδύουσι αὐτὸν οἱ ἄγγελοι καὶ παραδίδουσι τὰς θείας στολὰς αὐτοῦ τὸν ζωοδότην μου Χριστὸν, κάκεινος οὖν ἔρχεται παρὰ τῆς θαλάσσης ὅπου σχίζεται ἡ θάλασσα ἀπὸ θυμῶν ἕως ἀνατολῶν καὶ ἀπελαίει τοῦτον ἡ θάλασσα μετὰ τῶν κυμάτων αὐτῆς». В славянском переводе: «Да егда преидеть солнце всю землю и заидеть тогда толѣ аггелъ совлачить солнце и понесуть одежду и вѣнецъ на престолѣ господеву, предають божественную одежду владыце моему Христу и остають у солнца 3 аггели. И оно проходить в море»⁵⁴.

И в данном случае текстуальные соприкосновения настолько отдаленны, что видеть во втором тексте отражение архетипа «Славянского Еноха» невозможно.

Обратимся к лексическим и фразеологическим грецизмам в тексте краткой редакции. Действительно, мы находим там такие слова, как «змурение» (смирна—благовоние), л. 359д (σούριον), «григорьи» (греч.

⁵³ А. Н. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян — XI—XV вв., стр. 274.

⁵⁴ Там же, стр. 272.

ἐγγήγοροι — бдящие — название группы ангелов, скорбящих о грехопадении своих собратьев), л. 359а и др. Выше уже отмечены были такие грецизмы, как прочно вошедшие в словарный состав старославянского литературно-письменного языка древнейшего периода слова: «елеи», «иереи», «порода» и ряд других. Как нами было показано в другой работе, подобные слова греческого происхождения, в особенности связанные с народногреческим языком византийского периода, как, например, в нашем памятнике слово «порода», могли свободно употребляться в древнем славяно-русском письменном языке и без прямой и непосредственной связи с греческим оригиналом⁵⁵.

Фразеологические и синтаксические грецизмы устанавливаются А. Вайаном в тексте краткой редакции «Славянского Еноха» исключительно на основании его же конъектур. Для того чтобы дать понятие о его методике, приведем одно из его восстановлений. На л. 364 д мы читаем: «И языкъ на языкъ возмутить рать». А. Вайан в своем издании приводит текст по списку У, совпадающему в данном месте с нашим. Однако он считает необходимым взять в скобки слог «-ти» в глагольной форме и, таким образом, предлагает читать «возмутъ рать», хотя ни в одном списке такого чтения не обнаруживается и наиболее близким к конъектуре, предлагаемой А. Вайаном, оказывается текст пространной редакции, рассматриваемый им же как явно несовершенный. Это выражение «възати рать» А. Вайан и признает калькой с греческого ἀίρεσαι πόλεμον⁵⁶. Остальные конъектуры, в которых А. Вайаном усматриваются следы греческих фразеологизмов, не менее смелы и, на наш взгляд, не отличаются доказательностью⁵⁷.

Таким образом, утверждать, что краткая редакция «Славянского Еноха» непременно переведена с греческого и что ее источником был греческий извод Еноха 2, или «Христианского Еноха», можно только в качестве гипотезы, нуждающейся в серьезной проверке и обосновании.

Возникает также вопрос о том, насколько закономерно противопоставление Еноха 2 в качестве «Христианского Еноха» — Еноху 1 как якобы более «иудейскому». А. Вайан, выдвигая такое предположение, не приводит никаких положительных доказательств, однако там же говорит об эллинистических и иудео-христианских элементах в этом тексте⁵⁸. На наш взгляд, как Енох 1, так и Енох 2 в одинаковой степени могут быть названы «иудейскими», поскольку в их содержании отразились многие черты мировоззрения иудейских сектантов, действовавших в Палестине и за ее пределами около начала нашей эры.

Находки новых рукописей в районе Мертвого моря представляют громадную ценность для решения поставленного нами вопроса. Как мы уже упоминали, среди фрагментов рукописей, обнаруженных в пещерах Хирбет-Кумрана, найдены тексты многих ветхозаветных апокрифов, в их числе есть и несколько отрывков книги Еноха.

Пока из этих фрагментов изучены и опубликованы весьма немногие. В 1956 г. Бартелеми и Милик обнародовали несколько небольших отрывков, которые, по их мнению, принадлежат к источникам Еноха 1, а также, может быть, к так называемой «Книге Ноя»⁵⁹. Все эти отрывки происходят из пещеры Кумран 1. В 1958 г. тот же Милик напечатал статью, где опубликованы

⁵⁵ Н. А. Мещерский. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка. ВВ, XIII, 1958, стр. 246—261.

⁵⁶ A. Vaillant, p. 35, 3.

⁵⁷ Ibid., p. 14, 6; 17, 13; 30, 19; 34, 1—2; 34, 10; 37, 7; 38, 6.

⁵⁸ Ibid., p. XI.

⁵⁹ Discoveries in the Judaean Desert I, Qumran Cave I, by D. Barthelemy and J. T. Milik. Oxford, 1955—1956, p. 84—86, 152.

ликовано еще четыре фрагмента, найденных в пещере Кумран 4 в сентябре 1952 г. Три из этих отрывков отождествлены с текстом Еноха 1 по эфиопской версии (главы XXXI, 2—XXXII, 3). Четвертый отрывок по содержанию примыкает к главам XXXV—XXXVII того же текста, однако, по замечанию Ж. Т. Милика, принадлежит к редакции текста, отличной от той, которая представлена в эфиопской версии⁶⁰. К сожалению, крайне ограниченный размер и объем текста в этом отрывке не позволяет сделать пословного сопоставления с текстом славянской книги Еноха. Между тем это было бы чрезвычайно важно для решения вопроса о соотношении версий этого апокрифа. Поэтому пока мы имеем возможность высказывать наши догадки лишь в сугубо предположительной форме.

Дело в том, что в языке и стиле краткой редакции «Славянского Еноха» обнаруживаются такие черты, которые отнюдь не свойственны ни старославянскому, ни греческому языку, эти языковые явления ставили в тупик А. Вайана, пытавшегося видеть в них следы «иудео-христианских элементов». Вместе с тем подобные же языковые явления обнаруживались нами при изучении древнерусских письменных памятников, переведенных с еврейских оригиналов в киевский период. К числу этих переводов с древнееврейского языка относится прежде всего книга «Есфирь», а затем также отрывки из книги «Иосифона» и ряда древнерусских изводов ветхозаветных апокрифов, в том числе «Житие и исход Моисея», «Соломон и Китоврас», «Суды Соломона» и др.⁶¹

К числу названных языковых особенностей мы относим, во-первых, сохранение в тексте памятника отдельных древнееврейских слов, оставленных без перевода. В славянской книге Еноха по ее краткой редакции к числу таких относится слово «Офанимъ», употребленное в качестве названия одного из ангельских «чинов» (лл. 359в, 360в). Буквальное значение этого существительного — «колеса». Сравни текст книги Иезекииля, гл. I, ст. 15—21.

Второй приметой переводов с еврейского языка нужно считать транслитерацию собственных имен в соответствии с еврейским их написанием, а не с славяно-греческой традицией, восходящей к переводу «Септуагинты». В качестве примера подобного написания приведем имя «Мефусалом», тогда как традиционным в византийско-славянской письменности являлась бы форма «Мафусаль». Особо должен быть рассмотрен вопрос о написании имен ангелов, однако для этого мы в настоящей работе не располагаем еще всеми необходимыми данными.

Наиболее же показательным для установления оригинала, написанного первоначально на одном из семитических языков, мы признаем наличие в славянском тексте таких синтаксических и фразеологических построений, в состав которых входят существительные «лице», «глава», «рука», «душа» и другие, употребленные не в прямом значении, а в функции служебных слов, выражающих пространственные и другие отношения. Как известно, такое употребление этих слов свойственно древнееврейскому и арамейскому языкам. К этому следует добавить еще характерное предложное управление в тех случаях, где в греческом или в славянском языках могло бы ожидаться отсутствие предлогов.

Приведем примеры подобных конструкций из текста книги Еноха в ее краткой редакции: «А нѣсте служаще в лице господне. . .», «. . . и взиде гласъ ихъ в лице господне» (л. 359а), «И стани пред лицом моим

⁶⁰ J. T. Milik. Henoch au pays des aromats. «Revue biblique», t. 65, № 1. Paris, 1958, p. 70—78.

⁶¹ Подробнее см. Н. А. Мещерский. К вопросу об изучении переводной письменности киевского периода. «Уч. зап. Карело-Финского пед. ин-та», т. II, вып. 2. Петрозаводск, 1956, стр. 138—219.

в вѣкы» (л. 359с), «... пожрети Мефусалиму в лице господне и в лице людско» (л. 364b), «А Мефусаломъ ста на главѣ олтаря и на главѣ всех людий» (л. 364с), «И честенъ бысть Мефусаломъ в лице господне и в лице всех людий» (л. 364е) и др.

Показательны и некоторые черты славянской лексики и словоупотребления. Так, только в таких двух памятниках древнейшего периода, как перевод «Есфири» и краткая редакция «Славянского Еноха» нами отмечен глагол «потухнути». Из редких слов, наблюдаемых в обоих памятниках, можно еще назвать существительные «домачадець» — «домачадица». Можно еще сравнить описательное выражение: «Стояние еже есть о нем» (л. 359с) и «странамъ и боляромъ земнымъ, и иже их о немъ» (Есфирь, гл. I, ст. 3)⁶². Все эти совпадения не могут быть случайны и наводят на мысль, что краткая версия славянской книги Еноха могла бы быть причислена к произведениям, переведенным в древней Руси с еврейского языка.

В таком случае источником этого апокрифа следует считать средневековую иудейскую «Книгу тайн Еноха», следы которой в достаточно большом количестве обнаруживают в Талмуде и Мидраше.

Присутствие в этом архетипе «Славянского Еноха» древнего солнечного календаря, насчитывавшего 364 дня, является наиболее убедительным доказательством связи этой поздней еврейской книги с источниками Кумрана⁶³.

Встает естественный вопрос о соотношении этого гипотетически восстанавливаемого архетипа «Славянского Еноха» с Енохом 3, поздней средневековой еврейской книгой Еноха, изданной Г. Одебергом по рукописи первой половины XVI в. в 1928 г.⁶⁴

Эта книга имеет заглавие «Книга Еноха (изложенная) через рабби Ишмаила бен Елиша, первосвященника». В этом произведении 48 глав. В предисловии повествуется, как рабби Ишмаил (пострадавший от римлян в годы Адриана) был поднят в своем видении на небеса, где получил от бога руководителя, «Метатрона», в лице Еноха. Поучения, услышанные рабби Ишмаилом от этого метатрона, и составляют главное содержание книги. Об этих поучениях говорится в гл. 3—16 и в гл. 48. В гл. 17—28 приводятся сведения из ангелологии, гл. 29—33 рассказывают о божественном суде, ежедневно осуществляемом над людьми, оставшиеся главы повествуют о «небесных тайнах», о созвездиях, о космических силах, о судьбе душ умерших людей и др.⁶⁵

Таким образом, по своему составу славянская книга Еноха в ее краткой редакции наиболее близка к центральной части этого позднего еврейского произведения. Г. Одеберг в своем исследовании уделил специальную главу вопросу о соотношении еврейского и славянского изводов

⁶² А. И. Соболевский считал («Переводная литература Московской Руси». М., 1903, стр. 435) последний оборот калькой с греческой синтаксической конструкции *οἱ περὶ αὐτῶν* и признаком того, что книга «Есфирь» была переведена с греческого оригинала. Теперь, однако, факт перевода «Есфири» с еврейского признан установленным и не вызывает сомнения. Приведенный оборот соответствует выражению с еврейского оригинала וְעַל־עַמּוּדָאֵי .

⁶³ По вопросу о вновь открытом солнечном жреческом календаре, принятом у кумранских сектантов, существует колоссальная литература на многих языках мира. На русском языке краткое изложение вопроса с историко-астрономической стороны см. С. И. Селешников. История календаря и его предстоящая реформа. Л., 1962, стр. 109.

⁶⁴ H. O d e b e r g. 3 Enoch or the Hebrew book of Enoch. Cambridge, 1928.

⁶⁵ См. рецензию на вышеназванную работу: R. B u l t m a n n. «Theologische Literaturzeitung». Leipzig, 1937, № 25, S. 449—453.

этой апокрифической книги. Он склонен был признавать «Славянского Еноха» одним из источников изданного им произведения⁶⁶. Однако Одеберг, как и другие библеисты его времени, имел дело не с краткой, а с пространной редакцией славянской книги Еноха, со всеми характерными для этой позднейшей компиляции фантастическими добавлениями. Текстуальное сопоставление краткой редакции «Славянского Еноха» с еврейским текстом, изданным у Г. Одеберга, почти невозможно по причине совершенно различной структуры обоих произведений и не совпадающей манеры изложения. Однако отдельные фразеологические совпадения, безусловно, возможны, и их обнаружение будет одной из задач нашего дальнейшего исследования.

Первоочередной же задачей, которую мы ставим себе на ближайшие годы, является, безусловно, подготовка нового критического издания славянской книги Еноха по ее краткой и пространной редакциям с привлечением всех ранее не опубликованных рукописей. Это издание должно сопровождаться подробным текстологическим изучением, основанным на сопоставлении всех изводов этой апокрифической книги.

В заключение укажем, что в славяно-русской письменности сохранились еще и другие ветхозаветные апокрифы, архетипы которых восходят к литературе Кумрана. Это тексты «Завещаний 12 патриархов», «Откровения Авраама», «Видения Исаяи» и другие, которые ждут еще своего подробного исследования.

---

⁶⁶ Н. O d e b e r g. Op. cit., p. 52 ff.